

Л.С. Сироткина
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ОБРАЗА
ПСИХОЛОГИИ В РУССКОЙ ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОЙ
МЫСЛИ КОНЦА 19 в.
(В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЗМА РУССКОЙ
ЛОГИКИ КОНЦА 19 – НАЧАЛА 20 вв.)¹

В контексте проблемы психологизма отечественной логики анализируются особенности представлений о психологии русских логиков конца 19 в. (Владиславлева, Троицкого, Грота). Предпринимается попытка реконструировать теоретические компоненты авторских образов психологии. Характеризуются представления о предмете, задачах, методологических основаниях, методах психологического исследования; выявляется соотношение материалистических и идеалистических, метафизических и естественнонаучных компонентов в представлениях российских ученых о психологической науке.

The article reviews peculiarities of psychology concepts in the theories Vladislavlev, Troitskiy and Grot. The Russian philosophers' ideas about subject, tasks, methodological basis and methods of psychology are analyzed. Relations between materialistic and idealistic, metaphysical and experimental approaches in philosophy of psychological science are revealed.

Ключевые слова: психологические учения российских логиков конца 19 в., М.И. Владиславлев, М.М. Троицкий, Н.Я. Грот; предмет психологии, задачи психологии, методологические подходы, методы психологического исследования; метафизика в психологии, материализм в психологии.

Keywords: Russian psychology in late XIX – early XX centuries, Vladislavlev, Troitskiy, Grot, methodology of psychology, metaphysics and materialism in psychology.

Русская логика конца 19 – начала 20 вв. носила ярко выраженный психологистский характер (Сироткина, 2014; По-

¹ Статья содержит результаты исследований по проекту Российского гуманитарного научного фонда № 13-03-00564.

пова, 2006). С одной стороны, этот период — время интенсивного развития психологии в статусе самостоятельной науки. С другой стороны, на российском научном пространстве, как и в Европе, еще не было профессиональных психологов, и проблемы формирующейся науки разрабатывали, в первую очередь, философы. В России исследованием вопросов философии, логики, психологии занимались одни и те же ученые, в частности, профессора Московского и Петербургского университетов, в связи с чем для выявления источников психологической ориентации русской логики имеет значение, среди прочего, анализ сложившихся на тот момент образов психологии. Предлагаемая статья — первая в ряду работ автора, посвященная данной проблеме, а именно анализу теоретических компонентов образов психологии в том виде, в каком они сложились в индивидуальных репрезентациях науки у российских логиков конца 19 в.

Ведущие российские логики второй половины 19 — начала 20 вв. активно исследовали проблемы психологии, преподавали ее в вузах, издавали учебные пособия по психологии для высших учебных заведений и гимназий, предпринимали значительные организационные усилия для развития научной психологии на российской почве — в целом, внесли существеннейший вклад в становление российской психологической науки и во многом определили пути ее развития в 20 в. Огромное количество научных трудов по методологическим проблемам психологии и по специальным ее вопросам, работ, посвященных анализу состояния этой области знания, было издано, начиная с 70-х гг. 19 в. (Владиславлев, 1881; Троицкий, 1882; Грот, 1895; Лосский, 1903; Введенский, 1914; Челпанов, 1915 и др.). Они позволяют достаточно полно реконструировать образ психологии в русской логико-философской мысли конца 19 в.

В целом ряде работ русских логиков содержатся рассуждения рефлексивного характера, направленные на осмысление методологических оснований формирующейся психологической науки, состояния и перспектив ее развития, ее места и роли в системе научного знания и практиче-

ской деятельности людей. Наиболее выражена проблематика рефлексии науки в работах конца 19 века: М.И. Владиславлева («Материалистическая психология», «Реформаторские попытки в психологии», «Влияние естественных наук на психологию», «Психология Бенеке», «Современные направления в науке о душе»), М.М. Троицкого («Современное учение о задачах и методах психологии», «Немецкая психология в текущем столетии»), Н.Я. Грота («Жизненные задачи психологии», «Понятие души и психической энергии в психологии», «Основания экспериментальной психологии»).

Интерес русских ученых к проблемам психологии, так же как и логики, не удивителен: с одной стороны, вторая половина 19 в. ознаменовалась значительными усилиями европейской науки в сфере разработки проблем психологии и логики (Дж. Ст. Милль, В. Вундт, А. Бэн и др.); с другой, — только с 60-х гг. 19 в. началось возрождение в России философии, логики и психологии² в качестве университетских дисциплин и, более широко, в качестве областей научного знания, исследования в рамках которых были возобновлены после отмены запрета на преподавание философии в российских вузах и снятия абсолютного богословского надзора за преподаванием психологии и логики.

Наиболее часто репрезентируются в рассуждениях специалистов-логиков некоторые черты психологической науки, которые мы обозначаем как теоретические: это проблемы предмета и задач науки, а также подходов к изучению психических явлений и методов психологических исследований.

1. Представления о предмете психологии.

С определенной долей условности можно говорить о том, что взгляды отечественных логиков конца 19 века отражают недостаточную определенность и устойчивость научных представлений о предмете психологии. Трактовки предмета этой области знания отличаются не только у разных

² Деление весьма условно, поскольку и логика, и психология рассматривались как часть философии.

представителей университетской профессуры: в авторских работах обнаруживаются различные целенаправленно фиксируемые или произвольно актуализирующиеся интерпретации. Данное обстоятельство чрезвычайно затрудняет точное воссоздание авторского понимания существа обозначенной проблемы.

Именно такая относительная неустойчивость представлений обнаруживается в работах Владиславлева 60-х и 70-х гг. Будучи представителем идеалистического направления в психологии, ученый принимает существование души как самодеятельного и самостоятельного начала. Многие авторские высказывания в работах 60-х гг. свидетельствуют о том, что — осознанно или нет — он признает в качестве предмета психологии душу человека: «Вопрос о натуре души такого рода, что он составляет краеугольный камень психологии» (Владиславлев, 1864: 33). Критикуя материалистические интерпретации проблемы ощущений, пишет: «душа потерпела, вследствие действия на нее физической причины, известного рода изменение в своем существе... душа должна была выйти из одного состояния... и перейти в другое...» (Владиславлев, 1865: 498). Вместе с тем, в 70–80-е гг., когда Владиславлев соглашается признать психологию опытной и положительной наукой (Будилова, 2008: 197), в качестве определения предмета психологии он принимает следующее: «психология есть наука о душевных явлениях», — подчеркивая, что, каковы бы ни были различия во взглядах психологов относительно тех или иных проблем психологии, все они понимают ее предмет именно таким образом (Владиславлев, 1881: 1). И тем не менее, методологические установки автора нет-нет да и обнаруживают себя в его рассуждениях о том, чем должна быть и заниматься психология: «психология говорит о духовном бытии,.. о развитии духовного состояния, о *взаимодействии духов...*» (выделено мной — Л.С.) (Владиславлев, 1864: 54).

Так же, как в работах Владиславлева, в трудах Троицкого обнаруживается неоднозначность понимания предмета психологии, выразившаяся в нюансах его уточнения в работах разных лет. Предоставив слово автору, обозначим пройденный им «путь» в осмыслении предмета этой науки.

- 1867 г. В работе, посвященной анализу современной ему немецкой психологии (Троицкий, 1883а), Троицкий не обсуждает вопрос о предмете науки, однако, косвенно касается его, оценивая перспективы метафизики в исследовании души. Некоторые авторские рассуждения дают основания предполагать, что в этот период им не проводится четкая демаркационная линия между метафизическими и психологическими исследованиями духа: «Если принять во внимание, с одной стороны, значительную эманципацию всех наук от метафизики; с другой, успехи физиологии духа,.. то легко прийти к мысли, что немецкие философы скоро почувствуют себя без всякого дела и значения, если не усвоят себе критической методы исследования духовных явлений,.. не воспользуются строгими методами психологической экспериментации» (Троицкий, 1883а: 505). Категории духа и духовных явлений используются как рядоположные, и их содержания не обсуждаются автором.
- 1882/83 гг. Троицкий расширяет предмет психологического анализа до исследования духа не только человеческого, но и других животных. Противопоставляя явления духа явлениям физическим, в качестве основного различия указывает на бессознательность вторых, в связи с чем ограничивает предмет психологии явлениями сознания (Троицкий, 1883б: 3), присущими, как следует из его рассуждений, не только человеку. Троицкий утверждает, что «изучая психические явления, она (психология — Л.С.) изучает свойства духовной субстанции» (Троицкий, 1883б: 5). Следует ли из этого, что психические явления сами являются свойствами этой субстанции или свойства духа, не познаваемые непосредственно, обнаруживают себя в психических явлениях и могут быть так или иначе оценены на основании изучения психических фактов? На этот вопрос мы не находим ответа в работе ученого: отношения

- между духом и психическими явлениями остаются неясными.
- 1885 г. Ответ на поставленный выше вопрос обнаруживается в речи Троицкого на первом заседании организованного им психологического общества: «Дух есть вся сумма психических фактов, отличающих индивидуальное существование живых произведений природы» (Троицкий, 1888а: 116). Психология трактуется как наука о духе и, следовательно, должна быть отождествлена с наукой о психических явлениях. Таким образом, психические явления не являются ни свойствами духа, ни проявлением свойств духа, а — в совокупности — самим духом.
- 1888 г. (1) Характеризуя «логику психологии», Троицкий рассматривает психологию как науку о духе, как «субъективный анализ духа», подчеркивая необходимость ее отличия от метафизики духа — учения о нефеноменальной его сущности. В то же время, отмечает, что она представляет собой «изучение психических способностей» (Троицкий, 1888б: 77).
- 1888 г. (2) Сохраняя в качестве научных установок представления о духе как отдельной субстанции, Троицкий утверждает, что исследование свойств и законов человеческого духа может быть названо изучением человека в его психических свойствах и их законах», фактически отождествляя дух с универсумом его возможных проявлений (Троицкий, 2012: 1).

Если на основании корпуса работ Троицкого реконструировать его представления о путях исследования духа, то следует признать, что последнему должны быть посвящены три научные дисциплины: «физиология духа» — предмет исследования «натуралистов» (Троицкий, 1883а: 505), метафизика духа, задача которой — раскрыть его сущность, и психология духа, занимающаяся его субъективным анализом на основании изучения его проявлений. В то же время, собственно психологическая проблематика и

только она составляет содержание главного труда Троицкого с названием «Наука о духе». Кроме того, в другой работе есть прямые указания на то обстоятельство, что дух тождествен совокупности его проявлений (Троицкий, 1888а: 116). Следуя логике Троицкого, необходимо признать, что духа как самостоятельной субстанции нет и нет других наук, которые должны его изучать. Очевидные противоречия в рассуждениях ученого³ создают впечатление, что он не может выбраться из паутины, расставленной принятым им идеалистическим подходом к пониманию души, и — не ставя перед собой это в качестве самостоятельной научной задачи — пытается, будучи сторонником английской эмпирической психологии, «примирить» его с собственными позитивистскими установками. Либо, несмотря на постоянные обращения к вопросам методологии психологической науки, не выходит за границы метауровня научного анализа и, как следствие, не ставит и не решает задачу оценки собственных теоретических построений с точки зрения их внутренней непротиворечивости. В результате, несмотря на то, что в работах всякий раз имеет место прямое указание на предмет психологии, сам вопрос об однозначном определении этого предмета не осмысливается как научная проблема.

Собственно проблема предмета психологии напрямую не ставится и не обсуждается Н.Я. Гротом в связи с тем, вероятно, что в его системе психологических представлений она таковой не является. В работе «К вопросу о реформе логики» он фиксирует, что психология (в отличие от логики и этики) всегда исследовала «статические элементы сознания» и только «мимоходом» касалась процессов развития явлений, придавая им форму «каких-то сущностей или явлений» (Грот, 1882: 32). По оценкам ученого, в современной ему науке является общепринятым понимание психической жизни как сложного процесса, связанного с естественными (Грот, 1897: 242). Сам Грот, несомненно, со-

³ Если не допускать возможность банальной некорректности в употреблении терминов и построении рассуждений; однако, некоторые моменты сочинений Троицкого позволяют говорить о недостатке системности, точности и выверенности научного мышления.

глашается с этим: в более поздних работах предмет психологии характеризуется в процессуальном контексте как «душевная деятельность человека» (Грот, 1890: 144) или как «психические процессы» (Грот, 1897: 253).

Однако в работах Грота обнаруживается понимание актуальности проблемы поиска основных категорий науки, терминологически оформляющих ее предмет, и их роли в развитии психологии, осознание существа этой проблемы. Грот посвящает ей большой труд под названием «Понятие души и психической энергии в психологии» (1897). Оценивая состояние методологии психологии, Грот подчеркивает, что в истории науки ее предмет приобретал разное категориальное оформление: понятия «душа», «душевные способности», «душевные силы», «духовная субстанция», «сознание», «психическое явление», «психический процесс» и другие сменяли друг друга в истории науки, и каждое не отвечало все новым ее задачам. По оценкам Грота, предмет современной ему психологии однозначно не определен. Вопрос выработки «основного понятия» (и методологического принципа) для формирующейся, но еще не ставшей точной эмпирической наукой психологии, он оценивает как «самый основной для определения ее будущих судеб»: эти понятие и принцип неразрывно связали бы ее «с другими точными науками, дали ей руководящую точку зрения во всех ее дальнейших исследованиях, дозволили ей подвести все формы и изменения психического содержания и все факты психического развития под один закон» (Грот, 1897: 240). Вне разработки соответствующей проблематики психология, по утверждению Грота, останется собирательно-описательной областью знания, способной лишь характеризовать на основе самонаблюдения и классифицировать душевные явления и формулировать «приблизительные обобщения, которые не могут претендовать на статус законов психических явлений» (Грот, 1897: 243).

Таким образом, основными чертами научных представлений русских логиков конца 19 в. о предмете психологии являются следующие:

1. На фоне неоднозначности терминологического оформления предмета психологической науки и

многочисленных реминисценций непродуктивной категории «душа»⁴ в работах русских философов-логиков конца 19 в. проблема определения предмета недостаточно отрефлексирована и фактически не поставлена.

2. Внутри авторских образов психологии — с учетом их развития в границах творческого пути — относительно решенной ее можно считать у Грота.
3. Авторские представления о предмете науки (кроме Грота) характеризуются размытостью, нечеткостью и неоднозначностью.
4. Отсылки к работам друг друга практически не встречаются, несмотря на обилие обращений к истории и современному состоянию психологии, к зарубежным исследователям (немецким, английским, французским).
5. В целом, единого установившегося разработанного в его составляющих и терминологически однозначно оформленного представления о предмете психологии в среде ведущих русских философов-логов-психологов конца 19 в. не было.

2. Понимание задач психологической науки

В отличие от вопроса о предмете психологии, вопрос о задачах этой науки в явном виде ставился и решался и Владиславлевым, и Троицким, и Гротом, причем последние посвятили ему самостоятельные работы (Троицкий, 1888а; Грот, 1890).

Обсуждая методологические основания психологии в труде «Психология. Исследование основных явлений душевной жизни», М.И. Владиславлев прямо формулирует задачи науки:

- классифицировать душевные явления и описать их,
- отыскать законы, управляющие развитием, связью, последовательностью этих явлений,

⁴ Даже в работах Грота, разрабатывавшего основания экспериментальной психологии, встречаются отсылки к этой категории: «основная теоретическая наука о душе — психология» (Грот, 1890: 155).

- раскрыть смысл и значение форм душевной деятельности (Владиславлев, 1881: 51).

Решая эти задачи, психология должна достигнуть и целей саморазвития:

- стать «удовлетворительной описательной системой»,
- стать объяснительной системой (Владиславлев, 1881: 46–47).

М.М. Троицкий уточняя предмет психологии, фактически, формулирует ее научные задачи: «Все вопросы психологии могут быть сведены к следующим трем: во-первых, о количестве и качестве психических способностей; во-вторых, об образовании или естественной истории их; и в-третьих, о законах их обнаружения и образования, иначе о законах течения и развития психических явлений» (Троицкий, 1888б: 76). Очевидно совпадение представлений Владиславлева и Троицкого в вопросе об описательных и систематизационных функциях психологической науки, которая призвана составить упорядоченную характеристику множества душевных явлений; а также функции объяснительной (открыть законы функционирования психики⁵). В то же время, Владиславлев придает особый — философский — смысл психологическим исследованиям, относя к их кругу вопросы смысла и значения форм душевной деятельности. В этом смысле позиция Троицкого («вменяющего» в задачи психологии изучение «естественной истории души» (Троицкий, 1888а: 117)) по проблеме задач науки может быть скорее охарактеризована как позитивистская: проблематика развития психики в онтогенезе выделилась в самостоятельную область научно-психологических исследований в 80-е гг. 19 в. и до сих пор представляет собой одно из основных направлений психологических исследований, являясь объектом изучения возрастной психологии и психологии развития.

Н.Я. Грот значительно расширяет сферу задач психологии, выходя за рамки их формальной фиксации, определяемой уточнениями ее предмета. Фактически, придавая особое значение психологии не только как науке, но при-

⁵ В «Науке о духе» Троицкий, по сути, в качестве центральной задачи психологии формулирует раскрытие законов человеческого духа.

знаявая ее огромную роль в жизнедеятельности человека, Грот формулирует 2 типа задач: исследовательские (теоретические и эмпирические) и практические — связанные с совершенствованием природы человека, с проблемами воспитания личности.

Ко множеству теоретических задач он относит:

1. Изучение душевной жизни: выявление источников сложных психических процессов, исследование причин индивидуальных различий в процессах ума, воли и чувства, определение условий изменения качеств психических процессов — объяснение «по существу природы процессов мысли, хотения и чувствования» (Грот, 1890: 154).
2. Задача эмпирической психологии — изучать «действительную конкретную личность человека с ее реальным духовным содержанием» (Грот, 1890: 161).

Важнейшую практическую задачу науки ученый видит в том, что последняя должна содействовать улучшению человеческой природы — «поднять уровень умственной, нравственной, художественной энергии человека» (Грот, 1890: 154).

Диссонансом, в этом контексте, звучит сформулированное Троицким пятью годами ранее утверждение о том, что наука исследует только «общности» и не занимается индивидуальными фактами, служащими лишь материалом для изучения или объяснения (Троицкий, 1888а: 120).

Несмотря на то, что существенных противоречий в понимании задач психологии у ведущих российских специалистов конца 19 в. нет, нет и единства в оценке задач современной им, точнее, создаваемой ими науки, что в определенной степени обуславливается принятыми ими методологическими установками и предпочтениями.

3. Взгляды на методологию изучения психических явлений (подходы, методы, категориальный аппарат).

Обращение к проблеме методологических оснований психологии — неизменная составляющая работ философов-логиков конца 19 в.: вопросы общих оснований науки, методов психологического исследования, построения катего-

риального аппарата — предмет особого внимания Владиславлева, Троицкого и Грота.

Методологические основания психологии определялись на основе общих философских установок авторов. Владиславлев являлся представителем и последователем идеалистической традиции; Троицкий, несмотря на то, что обучался у П.Д. Юркевича, воспитываясь на далеких от естественных наук концепциях Бенеке, Гербарта, принял сторону английских позитивистов; Грот разрабатывал основания экспериментальной психологии, разумеется, в духе положительной науки. Неудивительно, поэтому, что авторские интерпретации философских оснований психологии обладают определенными различиями.

Владиславлев последовательно реализует методологию идеализма, признавая существование наряду «с реальным физическим миром... еще другого мира душевной, или психической жизни» (Владиславлев, 1865: 502). При этом, однако, с большим вниманием относится к находящим все более широкую поддержку, активно пропагандируемым, в частности Н.Г. Чернышевским, материалистическим идеям в психологической науке: одна из монографий Владиславлева носит название «Материалистическая психология». Подвергая критике попытки материализма выстроить новую науку о душевных явлениях, ученый оценивает их как несостоятельные: «Странно, по видимому, говорить о материалистической⁶ психологии». Ее, «кажется, совсем нет». «Есть только фразы,.. в которых делаются... набег в психологическую область рассуждений... Ничтожность научных результатов материалистической психологии составляет самое видное и несомненное явление» (Владиславлев, 1865: 484); материалисты не дали психологии ничего ценного — одни только «общие места о зависимости души от тела, о материальности ее, и полемические выходки против своих противников» (Владиславлев, 1865: 508). Критикуя материализм, считая неприемлемым его основное положение о тождестве душевных и физических явлений, подчеркивает, что нельзя «искать в душевной жизни

⁶ Не отождествляет материалистический подход к психологии с естественнонаучным.

приложения общих законов природы» (Владиславлев, 1864: 19). Следует отметить, что Владиславлев не распространяет критику материализма на естественные науки, ограничиваясь оценкой состояния последних как бесперспективного с точки зрения возможностей «расширения круга подлежащих их объяснению предметов» (Владиславлев, 1865: 499). При этом отдает должное тем достижениям физиологии (в частности, в сфере изучения ощущений), которые важны для психологии (Владиславлев, 1866а: 270).

В русле его оценки состояния психологии, в которой «каждый делает с фактами, что хочет» идет и авторское понимание зависимости интерпретации получаемых фактов от способа решения вопроса о натуре души: «Что касается фактов психологии, то уже тот или другой взгляд на них весьма много зависит от взгляда на душу и ее состояния» (Владиславлев, 1864: 34). В связи с этим приходит к однозначному выводу о том, что недопустимо изъятие метафизики из психологии.

В отличие от Владиславлева, М.М. Троицкий крайне негативно характеризует метафизический подход как способ изучения духа. Авторские рассуждения выстроены в соответствии со следующей логикой:

- С одной стороны, обе основные разновидности метафизики – спиритуализм (понимающий дух как особую субстанцию, наделенную психическими способностями) и материализм (рассматривающий дух как свойство материи и отождествляющий, по утверждению Троицкого, физиологические функции с фактами психическими, или явлениями сознания (Троицкий, 1888а: 118)), – претендуют на познание не психических явлений, а самой субстанции, которой присущи психические способности, т.е. сущности духа.
- С другой стороны, будучи приверженцем берущей начало от Локка философской традиции, Троицкий принимает постулат о том, что сущность принципиально не познаваема, доступны познанию только явления.
- Поэтому «мнения о субстанциях психических и физических явлений будут всегда не только гипотезами, но

притом еще такими, которые выходят из круга научных», не подлежат никакой проверке с использованием строго научных методов; а все вопросы метафизики души — «вопросы научно нерешимые» (Троицкий, 1888а: 118).

Отсюда непримиримая критика Троицкого в адрес немецкой науки о духе Канта, Фихте старшего, Фриза, Гегеля (обозначаемой им термином «психология»⁷), которую он оценивает как не сделавшую ни одного шага вперед относительно достижений английской школы» (Троицкий, 1883а, с. 468), и согласие с учениями Бэкона и Локка в отношении методологии научного исследования душевных явлений: психология может быть, по убеждению ученого, только позитивной наукой.

Схожих взглядов придерживается и Н.Я. Грот, выражающий твердую уверенность в том, что психология может и должна стать точной, строгой наукой (Грот, 1897: 240). Условиями воплощения этой возможности являются:

- выработка «основного научного понятия и методологического принципа» (Грот, 1897: 239),
- распространение на сферу психологических исследований экспериментальных методов.

Как, в этой связи, ученый видит место метафизики в обосновании психологии? И видит ли вообще? Грот констатирует как состоявшийся факт то, что современная ему эмпирическая психология пришла на смену, все более вытесняя ее, традиционной метафизической — науке о духовной субстанции (Грот, 1890: 156). Однако позиция автора определяется не пониманием наличного положения дел, а оценкой и принятием или непринятием. Некоторые прямые высказывания Грота позволяют достаточно точно реконструировать авторскую позицию. «Ничего нельзя возразить, — пишет Грот, — против стремления заменить отвлеченные риторические рассуждения — об атрибутах и модусах духовной субстанции — реальным, на опыте основанном изучением настоящих душевных состояний и действий» (Грот, 1890: 157). Отмечая, что в Англии, Франции и

⁷ Например, «психология немецкого идеализма», «психология кантовой школы» (Троицкий 1883а: 111, 177).

Германии велась борьба против «старой метафизической психологии», в заслугу немецких исследователей вменяет «перенесение психологических исследований и понятий на новую почву экспериментального изучения соотношения и взаимной зависимости между физическими и психическими фактами» (Грот, 1897: 241). Оценки ученым метафизической психологии как старой, традиционной, нестрогой, неточной, не позволяющей осуществлять главное назначение психологии — исследовать конкретную личность и т.д. и т.п., очевидно, свидетельствуют о том, что Грот, как и Троицкий, не приемлет метафизику как методологическое основание психологии.

Однако другие контексты работ Грота свидетельствуют об обратном. В том же произведении, в котором ученый критикует старую спекулятивную психологию, он утверждает, что «не должно разрывать естественной связи психологии с метафизикой» (Грот, 1890: 193). А несколькими годами позже в фундаментальной статье «Основания экспериментальной психологии» называет предрассудком представление о том, что два направления в психологии — психология субстанций (метафизическая) и психология явлений (опытная) — исключают друг друга (Грот, 2009а: 79), выражая глубокую уверенность в том, что «близится то время, когда мы будем иметь дело с единой наукой психологией⁸, в которой все частные направления в изучении психологических проблем сольются в одно русло, и существенные приобретения старой спекулятивной (так называемой метафизической) психологии... войдут в органическое соединение с обильными результатами опытного изучения душевной жизни, ее явлений и законов, в психологии эмпирической» (Грот, 2009а: 78).

Таким образом, отрицая научное значение чистой спекулятивной психологии, Грот выступает за синтетическое единство метафизики и опыта как оснований будущей психологической науки.

Остается открытым еще один вопрос: каковы — в интерпретации Грота — отношения психологии и материализма. Троицкий, как известно, рассматривал материализм,

⁸ Здесь и далее в цитате выделено автором.

отождествляющий психические и физиологические процессы, как разновидность метафизики. Каковы взгляды Грота на это соотношение?

В работах Грота не звучит мысль о тождественности явлений столь разной природы. Он принимает как установленные и не подлежащие критике два положения о связи психологических и физиологических явлений:

- «психические факты останутся навсегда особыми... фактами, совершенно отличными от физических и физиологических» (Грот, 2009а: 80);
- психическая жизнь есть процесс, связанный: а) с физическими процессами среды, б) с физиологическими процессами организма (Грот, 1897: 242).

Но для ученого открытым — никем не исследованным и даже не поставленным — является вопрос о том, тождественны ли психические и физические процессы в том смысле, что одинаково подчиняются естественным законам, а именно закону сохранения энергии. Грот придает такую значимость данной проблеме, что посвящает ее решению одну из последних своих работ (Грот, 1897) — своего рода призыв к широким дальнейшим исследованиям, и утверждает, что вне ее решения психология не может претендовать на статус науки, а должна будет довольствоваться классификационными функциями и «метафизическими рассуждениями и мечтаниями о субстанции души и ее отношении к веществу» (Грот, 1897: 243). В нашем исследовательском контексте имеет смысл привести гротовскую формулировку проблемы целиком: «есть ли основания говорить об особой психической энергии в том же смысле, в каком естествознание говорит о прочих энергиях природы, т.е. при условии допущения, что и психическая деятельность или работа подчинены закону сохранения энергии, наравне с прочими процессами, и что психическая энергия входит в систему энергий как естественное звено?». Казалось бы, учитывая безоговорочную веру автора в утвердительный ответ на этот вопрос (Грот, 1897: 242), можно смело констатировать торжество материализма в интерпретации Гротом сущности психической активности. Однако на деле выходит по известной формуле «шаг вперед — два шага

назад»: понимая, что способ философского истолкования проблемы определяется, в конечном итоге, ответом на вопрос о сущности собственно источника психической энергии — деятеля, Грот утверждает, что нам не может быть достоверно известно, что он собой представляет: «материальные атомы или психические монады». И, таким образом, вопрос о «первых причинах» психической энергии — материальных или идеальных — признается нерешаемым и, кроме того, ненужным для точной опытной науки: решение этого вопроса — удел метафизики (Грот, 1897: 804).

Таким образом, основными чертами гротовой философии психологии являются следующие:

- Синтетический характер представлений о связи метафизики и эмпирики в истолковании оснований психологии.
- Неразрешимость метафизического вопроса о субстанции, обладающей свойством психической активности.
- Отсутствие достаточных оснований для утверждения материалистической интерпретации философских основ психологии.

Важно подчеркнуть, что Грот, вслед за Троицким, сделал очередной важный шаг в развитии психологии — отделил собственно психологические вопросы от вопросов «метафизических».

В целом, по утверждению известного историка психологии Будиловой Е.А., конец 19 — начало 20 вв. — время ожесточенной борьбы материализма и идеализма в психологии. Учитывая то обстоятельство, что философы-психологи конца 19 в. отнюдь не устанавливали прямую связь между, материализмом в психологии и эмпирическим, положительным характером этой науки, с одной стороны, и идеализмом и метафизической психологией, с другой, следует уточнить, что в логико-философской среде борьбы материализма с идеализмом, как таковой, не было: скорее, имела место «борьба» даже не с метафизикой в психологии, но с чисто метафизической ее интерпретацией.

В целом, в границах образа психологии рассматриваемого периода обнаружилось отсутствие единства представлений в сфере философии психологии:

М.И. Владиславлев: метафизическая психология → положительная психология, невозможная без метафизики.

М.М. Троицкий: положительная психология вне метафизики (спиритуалистической или материалистической).

Н.Я. Грот: положительная психология, обосновываемая в русле синтеза метафизических и эмпирических оснований.

Благодаря, среди прочего, работам философов-логиков конца 19 в. обозначилась тенденция смены методологических оснований психологии, которая привела, в дальнейшем, к развитию в первой половине 20 в. материалистической психологической науки в России. Нельзя утверждать, что развитие взглядов отечественных специалистов даже этого незначительного по времени периода было линейным и однозначным: и здесь, и позднее неоднократно возникали метафизические реминисценции в философском обосновании психологии. Несколькими годами позже неметафизическую тенденцию усилил Введенский, обосновав в одноименной работе 1914 г. психологию «без всякой метафизики».

Существенными, неотъемлемыми частями структур авторских образов психологической науки являются представления о ее методах. И это неслучайно: в период становления науки вопрос о специфических — отличных от других наук — способах познания ее предмета является конституирующим, необходимым условием обретения ею независимости от иных сфер научного познания. Именно поэтому проблема методов настойчиво поднимается, основательно обсуждается каждым представителем находящейся в поисках своей самобытности психологии, обретая несколько ипостасей: каков ведущий метод психологии; какова роль естественнонаучных методов в познании психических явлений; каково значение общенаучных (логических, методов мышления) методов в психологическом исследовании.

Несмотря на расхождения в прочих аспектах психологической рефлексии, в отношении проблемы методов Владиславлев, Троицкий и Грот практически единодушны:

1. Психология имеет собственные — положительные — методы изучения психических явлений⁹ (Владиславлев, 1881: 52–53; Троицкий, 1888б: 77; Грот, 2009а: 80).
2. Психологические исследования осуществляются с использованием множества научных методов, среди которых выделяются:
 - специфические психологические методы — самонаблюдение и наблюдение за душевной жизнью других людей,
 - естественнонаучные методы, в частности измерительные,
 - общие логические методы: дедукция, «наведение» (индукция), «составление понятий, суждений, силлогизмов»,
3. Возможности использования естественнонаучных методов ограничены, а перенесение их в психологию может быть для нее вредным: «психология только тогда и может идти вперед, когда будет стоять на своих ногах,.. сама расправляться со своим материалом» (Владиславлев, 1864: 20); «мы желали бы только, чтобы эти (естественнонаучные — Л.С.) исследования были поставлены на свое место, чтобы было создано их ограниченное значение и чтобы они не смешивались с исследованиями психологическими — в настоящем значении этого слова» (Грот, 1890: 180); наблюдение

⁹ Необходимо отметить, что, помимо положительных, Владиславлев и Грот считали нужным и возможным использование спекулятивных способов исследования психических фактов. Владиславлев накладывал ограничительное условие на применение последних: философские методы могут использоваться лишь после того, «как сделается все возможное в положительной части исследования» (Владиславлев 1881: 53). Грот же утверждал, что психология должна применять все возможные средства для изучения своего предмета: «Пусть психология исследует душу всеми доступными для человеческого ума способами... — на основании опыта, но и не чуждаясь метафизических построений» (Грот 1890: 193).

фактов и индукция (наведение) — подлинные методы исследования духа (Троицкий, 1883а).

4. Изучение разнообразных источников (литературных произведений, языков разных народов, истории и исторических личностей, науки, искусства и т.д.) составляет необходимый и незаменимый материал для исследования психических явлений: «богатый клад психологических сведений и материалов представляет искусство» (Владиславлев, 1881: 19); «органом наблюдения над другими служит язык, речь, словесность, литература и всякая общепринятая и общепонятная символика психических фактов» (Троицкий, 1888а: 119); научная эмпирическая психология должна исследовать, как психические явления «выражаются в истории человечества и, в частности, в истории человеческой мысли (философии, науке, искусстве) — в памятниках литературного и художественного творчества, в языке и слове различных народов и исторических деятелей» (Грот, 1890: 182).
5. Основным способом познания психики является метод самонаблюдения: «главным ученым средством психологии всегда останется, как и оставался до сих пор, метод внутреннего опыта или самонаблюдения», являющийся «краеугольным камнем, на котором зиждется все здание психологии» (Владиславлев, 1864: 7–8); «вся наука — продукт коллективного эксперимента — наблюдения или же самонаблюдения. Другой науки и не существует» (Грот, 2009а: 100); во главе методов «стоит субъективное изучение духа» (Троицкий, 1888а: 121).
6. Самонаблюдение является недостаточным для разработки научной психологии, поскольку не позволяет формулировать какие бы то ни было обобщения и законы психической жизни. Поэтому оно должно применяться на широком круге людей, а его данные должны сопоставляться и подкрепляться «психологической дедукцией».

Неудовлетворенность классическим самонаблюдением и скрытым наблюдением над проявлениями психиче-

ской активности других людей особенно ярко выразил Грот, утверждавший, что на смену этим ограниченным в своих возможностях способам должны прийти экспериментальные методы, способные поставить психологические обобщения «на почву точного изучения, допрашивания, проверки, как это делают другие науки опыта» (Грот, 2009а: 80).

Недостатки метода самонаблюдения обуславливают, по мнению Грота, кроме прочего, проблему неупорядоченности, аморфности, отсутствия терминологической однозначности категориального аппарата психологии. Владиславлев и Троицкий проблему построения тезауруса формирующейся науки не поднимали, однако, в целом, на научном пространстве того периода, по выражению Грота, необходимость выработки «базиса,... который бы вывел психологию на путь широких экспериментальных и строго научных изысканий стала особенно ясно осознаваться» (Грот, 1897: 241).

По выражению Грота, к бесплодности приводит современную ему эмпирическую психологию то обстоятельство, «что понятия ее не выработаны критически и в сущности остается пока неизвестным и неясным, с какого рода фактами имеет дело в своем анализе опытная психология» (Грот, 1890: 170). По оценкам ученого, психологическая терминология отличается крайним разнообразием, использованием одного термина для обозначения разных душевных явлений и разных — для именованного одного, что приводит к парадоксальным ситуациям необходимости признания — учитывая авторские интерпретации — абсолютно разных, например, «систем чувств» у представителей разных национальностей. Именно в этом, среди прочего, Грот видит причину того, что психология на тот момент так и не стала еще строгой наукой.

Говоря о терминологическом аппарате психологии рассматриваемого периода, следует обратить внимание на тот факт, что по-прежнему, несмотря на принятие в качестве предмета психологии душевных (психических) явлений, в трудах всех троих авторов неизменно фигурирует категория «душа» как предмет психологического осмысле-

ния. Несомненно, основной причиной постоянной актуализации этого непродуктивного для положительного психологического исследования понятия являются идеалистические установки ученых, признающих душу в качестве самостоятельного, отдельного от материального субстрата начала. Отказаться от этих предпосылок не смог даже Грот, внесший существенный вклад в разработку основ экспериментальной психологии, признавший в одной из своих работ в том, что в более ранний период научного творчества тяготел к материалистической интерпретации методологических оснований психологии, в последние годы критически пересмотренных им. Освобождение от тормозившего ее развитие давления «неподъемного» для научной положительной психологии понятия «душа» произошло позднее и было отражено в работах более молодого поколения философов-логиков, занимавшихся соответствующей проблематикой, в частности, А.И. Введенского и Н.А. Васильева.

Конец 19 в. — время, когда на мировом, в том числе российском научном пространстве, психология только обретала собственное лицо. Для формирующегося психологического мышления того времени был характерен выраженный интерес к методологическим проблемам нарождающейся науки: ее предмет, задачи, методы пытались осмыслить и охарактеризовать практически все, кто исследовал психологическую проблематику, включая ведущих русских логиков того периода. Это обстоятельство определило высокую степень отрефлексированности психологического знания.

Борьба противоположных тенденций в сфере оценки перспектив развития психологии, нахождение науки в самом начале своего пути обусловили некоторые специфические черты образа психологии в логико-философской мысли этого периода. К ним относятся:

1. Отсутствовала единая завершенная и полная «картина» психологической науки; авторские образы психологии были наполнены индивидуально своеобразными компонентами. Усилия российских логи-

ков в вопросах развития психологии создают впечатление разобщенности: в основных фундаментальных трудах, поднимавших методологические вопросы психологической науки, практически отсутствуют ссылки на работы соотечественников, в то время, как анализу и оценке трудов зарубежных авторов посвящены целые главы и монографии.

2. Обязательными составляющими теоретического компонента образа психологии у каждого автора являются представления о предмете и задачах науки, о методологических подходах и методах исследования психических явлений.
3. Приоритетными в научной рефлексии оказались вопросы методологических оснований, в первую очередь, выяснения отношений положительной психологии и метафизики, а также методов исследования психических явлений. Несмотря на глубокую, основательную критику российскими логиками направлений, учений, тенденций современной им психологии, ее категориальный аппарат, фактически, не подвергался специальному анализу (только Грот предпринял попытку критики, приведшей к выразительным оценкам в негативных тонах).
4. Предмет психологии не был однозначно определен и единообразен для разных авторов. Термины «душа», «душевные явления», «психические явления», «психические факты», «душевная деятельность» и некоторые другие использовались зачастую как полные синонимы. Категория «душа», несмотря на то, что и Владиславлев, и Грот, и Троицкий признали ее несоответствие задачам и специфике психологического исследования, с завидной регулярностью встречается на страницах их статей и монографий как устойчивая рецепция тезауруса спекулятивной, устаревшей, по их оценкам, психологии.
5. Методологические подходы носили отпечаток спиритуалистической -доэмпирической — психологии: окончательное освобождение от метафизической за-

висимости не произошло. Единства во взглядах на философские основания психологии также не было.

6. Несмотря на осознание ограниченности возможностей самонаблюдения в научном познании психических явлений, «верность» ему сохранилась у всех логиков-психологов конца 19 в. Возможность признания его статуса в качестве ведущего психологического метода обеспечивалась компенсацией его недостатков различными положительными методами, в том числе экспериментальными.
7. В целом, сами образы психологии в авторских системах научного знания не были однозначно определенными, статичными и завершенными.

Важно подчеркнуть: психологические исследования российских философов были, своего рода, выражением самосознанием молодой науки. Однако «образ Я» психологии того времени был неоднозначен и неустойчив, он не был целостным и законченным — он просто не был сформирован: российская психология, так же, как и зарубежная, на рубеже веков находилась в поисках «собственного лица», которое был обретено в первой половине 20 века.

Результаты проведенного анализа нам кажутся достаточными для утверждения того, что психологическая наука того периода, в том виде, в каком она была сформирована к концу 19 в., не могла определять направления развития имевшей тысячелетнюю историю логики. Но недостаточная определенность представлений о психологии на фоне критического (и даже негативного) восприятия состояния логики и, в то же время, придание колоссального научного значения психологической науке, могли стимулировать и/или поддерживать, закреплять некоторые тенденции в развитии логики. Особенности понимания отечественными логиками места психологии в системе знания и оценкам ее роли в научном познании будут посвящены наши дальнейшие исследования.

Литература

- Будилова, Е.А. (2008) *Труды по истории русской психологической мысли: вторая половина XIX – начало XX века*. М.: Наука.
- Владиславлев, М.И. (1864) 'Реформаторские попытки в психологии', *Эпоха. Журнал литературный и поэтический, издаваемый семейством М. Достоевского*, № 9, с. 1-82.
- Владиславлев, М.И. (1865) 'Материалистическая психология', *Отечественные записки*, СПб, том CLXIII, с. 484-508.
- Владиславлев, М.И. (1866а) 'Влияние естественных наук на психологию', *Отечественные записки*, СПб, том CLXIV, с. 249-270.
- Владиславлев, М.И. (1866б) 'Психология Бенеке', *Отечественные записки*, том CLXIV, с. 653-672.
- Владиславлев, М.И. (1866в) *Современные направления в науке о душе*. СПб.
- Владиславлев М.И. (1880) *Конспект лекций по психологии, читанных профессором Санкт-Петербургского университета М.И. Владиславлевым в 1879/80 академическом году*. СПб.
- Владиславлев, М.И. (1881) *Психология. Исследование основных явлений душевной жизни*, том 1. СПб.
- Грот, Н.Я. (1882) *К вопросу о реформе логики. Опыт новой теории умственных процессов*. Издание института Ф.А. Брокгауза в Лейпциге.
- Грот, Н.Я. (1886) 'К вопросу об истинных задачах философии' в Грот Н.Я. *Философия и ее общие задачи: Сборник статей под ред. Московского психологического общества*. СПб, с. 122-145.
- Грот, Н.Я. (1890) 'Жизненные задачи психологии', *Вопросы философии и психологии*, год первый, книга 4, с. 143-194.
- Грот, Н.Я. (2009а) 'Основания экспериментальной психологии', *Теоретическая и экспериментальная психология*, том 2, № 3, с. 78- 91.
- Грот, Н.Я. (2009б) 'Основания экспериментальной психологии (продолжение)', *Теоретическая и экспериментальная психология*, том 2, № 4, с. 91-106.

- Грот, Н.Я. (1897) *Понятие души и психической энергии в психологии*.
- Марцинковская, Т.Д. (2001) *История психологии*. М.: Академия.
- Попова В.С. (2006) *Логика в университетской философии Санкт-Петербурга начала XX века (дискуссия А.И. Введенского и Н.О. Лосского)*. Автореф. диссертации канд. филос. наук. Калининград.
- Сироткина, Л.С. (2014) 'Проблема соотношения философии, логики и психологии в российской логико-философской мысли конца 19 – начала 20 вв. (обзор исследований)', *РАЦИО.ru*, № 13, с. 120-152.
- Троицкий, М.М. (1883а) *Немецкая психология в текущем столетии. Историко-критическое исследование с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка*. М.
- Троицкий, М.М. (1883б) *Психология. Лекции о.п. М.М. Троицкого, читанные в 1882/1883 г.*
- Троицкий, М.М. (1888а) 'Современное учение о задачах и методах психологии' в *Троицкий М.М. Учебник логики*, том 3., с. 113-148.
- Троицкий, М.М. (1888б) *Учебник логики*, том 3. М.
- Троицкий, М.М. (2012) *Наука о духе: общие свойства и законы человеческого духа*. М.

Об авторе

Людмила Сергеевна **Сироткина** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии БФУ им. И. Канта, lyusir.ru@mail.ru.

About author

Dr. *Lyudmila S. Sirotkina*, Associate Professor, Department of Philosophy, Immanuel Kant Baltic Federal University, lyusir.ru@mail.ru.